

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2021 Том 26, №1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук, академик АН Азербайджана, (Азербайджан, Баку),

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

С. Д. Атдаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук (Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук (Россия, Улан-Удэ)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук (Россия, Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия, Челябинск).

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,
Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России, национальных
и государственно-конфессиональных отношений.

© Оформление. Издательство Алтайского госуниверситета, 2021

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2021 Vol. 26, №1

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2021

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences, academician of the Academy of Sciences of Azerbaijan, (Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Tsedev, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaan Baatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences (Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences (Russia, Ulan-Ude)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences (Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences (Russia, Chelyabinsk).

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77–78911.

Registration date 07.08.2020 г.

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

© Altai State University Publisher, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2021 Том 26, №1

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Шульга П. И., [Оборин Ю. В.] Зеркало-погремушка из Среднего Урала</i>	<i>7</i>
<i>Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паришкова Т. С. Седельные канты из раскопанных курганов Алтая жужанского времени</i>	<i>25</i>
<i>Каратаев О. Ещё раз о сакральной местности Ötüken: история вопроса и современная интерпретация</i>	<i>37</i>
<i>Кузнецов И. В. О символе змеи на каменных изваяниях Юго-Западного Туркменистана</i>	<i>63</i>

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Мустафаев Ш. М. Генеалогические предания как отражение исторической памяти древних огузов</i>	<i>82</i>
<i>Турсунбеков З. А., Тукембаев Ч. А. Локализация Катванской битвы</i>	<i>97</i>
<i>Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А. Копья и стрелы в ритуалах чукчей</i>	<i>111</i>

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Монгуш А. В. Православие в Республике Тыва на современном этапе</i>	<i>140</i>
<i>Слепцова В. В. Светский и религиозный гуманизм: история и современность</i>	<i>160</i>
<i>Никулина И. Н. Ссылные польские католические духовные лица в Западной Сибири (60-е — конец 70-х гг. XIX в.): некоторые аспекты изучения</i>	<i>173</i>

ДЛЯ АВТОРОВ	182
--------------------------	------------

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

2021 Vol. 26, №1

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Shulga P. I., [Oborin Yu. V.]</i> Rattle-mirrors from the Middle Urals.....	7
<i>Seregin N. N., Tishkin A. A., Matrenin S. S., Parshikova T. S.</i> Saddle facings from the excavated mounds of rouran period in Altai	25
<i>Karataiev O.</i> Once again about the sacred area Ötüken: history of the issue and modern interpretation	37
<i>Kuznetsov I. V.</i> On the question of understanding the symbol of the serpent in archaic ideas about the afterlife.....	63

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Mustafayev Sh. M.</i> Genealogical legends as a reflection of the historical memory of the ancient oghuzes	82
<i>Tursunbekov Z. A., Tukembaev Ch. A.</i> The localization of battle of qatwan	97
<i>Ozheredov Yu. I., Yarzutkina A. A.</i> Spears and arrows in the Chukchi rituals.....	111

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Mongush A. V.</i> Orthodoxy in the republic of Tuva at the present stage	140
<i>Sleptsova V. V.</i> Secular and religious humanism: history and current state	160
<i>Nikulina I. N.</i> The exiled polish catholic spiritual persons in Western Siberia (60 — the end of the 70s. XIX century): some aspects of study	173

FOR AUTHORS	182
--------------------------	-----

УДК 902

DOI: 10.14258/nreur(2021)1-04

И. В. Кузнецов*Ашхабад (Туркменистан)*

О СИМВОЛЕ ЗМЕИ НА КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЯХ ЮГО-ЗАПАДНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

В статье дан анализ форм уникальных каменных стел в долинах рек Чендыр и Сумбар (Западный Копетдаг, Туркменистан). Они давно привлекали к себе внимание таких ученых, как Ф. А. Михайлов, А. П. Поцелуевский, М. Е. Массон, С. П. Поляков, D. Stronach. Выдвигались различные версии об их назначении и происхождении, но чаще всего ученые приходили к выводу о том, что надмогильники корнями своими восходят к сильно стилизованному изображению человека и отображают антропоморфный образ.

Вопреки таким выводам обосновывается другой базовый образ, заложенный в этих стелах. Последовательно излагаются аргументы, позволяющие утверждать, что это образ змеи. Выделены основные характеристики змеиных признаков: копьевидная форма навершия — голова змеи, тонкое основание стелы — хвост змеи, изгибы стелы — характерная особенность змеиного тела. Анализ комплекса этих и дополнительных характеристик позволяет выявлять лицевую сторону и ориентацию памятников.

Обосновывается правомочность такого взгляда. Обсуждаются различные трактовки образа змеи как хорошо известного и одного из древнейших мифологических образов. Предлагается трактовка значения фигуры ромба как головы змеи, открывающей вход в потусторонний мир. Образ змеи — проводник души умершего в подземном мире Матери-земли, задача которого состояла в том, чтобы принять, провести и передать душу в мир Небесный.

Ключевые слова: Туркменистан, Западный Копетдаг, Чендыр и Сумбар, некрополь, надмогильная стела, фаллический образ, ферт, навершие, камень, ориентация, образ змеи, фигура ромба, проводник, душа, Мать-земля.

I. V. Kuznetsov*Ashgabat (Turkmenistan)*

ON THE QUESTION OF UNDERSTANDING THE SYMBOL OF THE SERPENT IN ARCHAIC IDEAS ABOUT THE AFTERLIFE

The article analyzes the forms of unique stone steles in the valleys of the Chandyr and Sumbar rivers (Western Kopetdag, Turkmenistan). They have long attracted the attention of scientists (F. A. Mikhailov, A. P. Potseluevskii, M. E. Masson, S. P. Polyakov, D. Stronach). Various versions were put forward about their purpose and origin, but most often, scientists

came to the conclusion that the tombs have their roots back to a highly stylized image of a person and display an anthropomorphic image.

Contrary to these conclusions, another basic image embedded in these steles is justified. Consistently stated arguments that allow us to say that this is the image of a snake. The main characteristics of snake features are highlighted: the spearlike shape of the top — the head of the snake, the thin base of the stele — the tail of the snake, the bends of the stele — a characteristic feature of the snake's body. Analysis of the complex of these and additional characteristics allows you to identify the front side and orientation of monuments.

The author justifies the validity of this view. Various interpretations of the snake image as a well-known and one of the oldest mythological images are discussed.

It is proposed to interpret the meaning of the rhombus figure as the head of a snake that opens the entrance to the other world. The image of the serpent is the conductor of the soul of the deceased in the underground world of Mother earth, whose task was to receive, conduct and transmit the soul to the heavenly world.

Keywords: Turkmenistan, Western Kopetdag, Chendyr and Sumbar, necropolis, tombstone stele, phallic image, Firth, pommel, stone, orientation, image of a snake, rhombus figure, guide, soul, mother earth.

Кузнецов Иван Валерьевич, независимый исследователь, Ашхабад (Туркменистан).

Адрес для контактов: sarydashkuznetsov@gmail.com

Kuznetsov Ivan Valeryevich, Independent researcher, Ashgabat (Turkmenistan). *Contact address:* sarydashkuznetsov@gmail.com

Введение

Своеобразные каменные изваяния в горных долинах юго-западного Копетдага, вдоль границы с Ираном, были замечены российской научной общественностью в самом начале XX в. (И. Т. Пославский (1900), Г. В. Эппель (1905), Ф. А. Михайлов (1915) и др.). Тогда же Ф. А. Михайлов осуществил специальную поездку по долинам рек Сумбар и Чендыр от подножия горы Тогарев (2243 м над у. м.) на востоке до хребта Сонгудаг (733 м над у. м.) на западе, в результате которой им были выявлены и описаны несколько старинных кладбищ. На трёх из них: Растыган, Дайна-су и Сеид Бузрук, в юго-западных предгорьях горы Тогарев, расположенных на иранской стороне, он отметил «более сотни стоящих вертикально и наклонно памятников столбообразной формы. Поверхностная раскопка одной из могил дала истлевшие человеческие кости и черепки необлитых сосудов» [Михайлов, 1915: 15]. Наиболее интересным оказалось кладбище Кызыл-Имам в долине Чендыра, где «сохранилось очень много памятников разнообразной формы и тщательной отделки» [Михайлов, 1915: 17]. На одной из них исследователь обнаружил надпись с выдержками из Корана и датой середины XVIII в.

Результаты исследования

В 1929 г. некрополи Кызыл-Имам и Яртыкала в Чендырской долине обследовал М. Е. Массон. Он выделил два типа резных каменных памятников: «столбообразные»

и «плоские фертообразные стелы» [Массон, 1949: 45] (рис. 1). Понятие «ферт» для обозначения каменных Ф-образных изваяний с закруглёнными выступами впервые использовал Г.В. Эппель [1905: 21]. Такой термин оказался «наиболее удачным для визуальной характеристики этих памятников» [Аманов, 1995: 106], которые широко распространены в Прикаспии от Мангышлака до Ирана.

Рис. 1. Два типа резных каменных памятников долины реки Чендыр:
1, 2 – столбообразные; 3, 4 – ф-образные

В начале 60-х гг. прошлого века широкое обследование средневековых погребений Юго-Западного Туркменистана осуществил С.П. Поляков (1973). Интересующие нас захоронения были выделены этим автором в особый тип, как «не имеющие себе аналогий» на других территориях. С.П. Поляков отмечал, что для этих захоронений характерны могильные ямы с погребальной щелью в центре дна. Костяки лежат на правом боку, головой на север, северо-запад или запад. Ориентация этих могил не выдержана строго в одном направлении и изменяется в пределах северо-западного сектора. Никаких предметов в могилах найдено не было [Поляков, 1973: 38].

К настоящему времени нет никаких оснований сомневаться в том, что интересующие нас каменные изваяния на некрополях долины Чендыра принадлежат племени герейли [Поцелуевский, 1948: 8; Джикиев, 1977: 64–65]. Проживающие здесь последние два столетия гоклены [Джикиев, 1977: 64–65] не имеют к ним никакого отношения. Все опросы местных жителей разными авторами на протяжении всего XX в. и вплоть до настоящего времени подтверждают тот факт, что эти каменные изваяния изготавливали и устанавливали герейлинцы.

Представители племени герейли (керейли) в XV–XVI вв. составляли значительную часть тюркского населения в Северном Иране [Овезов, 1976: 26], проживая тогда в долинах Сумбара, Чендыра, Атрека и Гургена [Овезов, 1976: 30]. Происхождение рода герей А. Джикиев связывает с огузскими тюрками VIII в. [1961: 20]. С. Атанязов считает герейли родственниками казахских кереев и потомками могулистанских керейтов [1994: 93]. Герейли враждовали с Каджарами — правившей тогда в Иране тюркской династией. В конечном итоге они потерпели поражение и были в XVIII в. насильственно переселены шахом Ага Мухаммет-ханом в Прикаспийские районы Ирана [Джикиев, 1977: 64], где их потомки и сейчас живут в Астрабадской и соседних с ней провинциях, а часть ассимилировалась с другими туркменскими племенами, в том числе с гокленами. Таким образом, проживание герейли в долинах Чендыра и Сумбара прерывается 150–200 лет назад, что вполне соответствует оценкам возраста каменных изваяний в пределах XVII–XIX вв., высказываемых разными авторами [Массон, 1931: 56]. На сравнительно недавнее происхождение этих каменных изваяний указывает и вполне удовлетворительное состояние целого ряда стел, несмотря на то, что изготовлены они из песчаника — относительно слабой горной породы осадочного происхождения.

В конце прошлого века стало известно еще об одном средневековом кладбище — Халат-Наби, расположенном в северо-восточном Иране, на вершине горного массива Гекче-даг, который служит водоразделом долин Атрека и Гургена. На этом некрополе установлено более 600 каменных изваяний [Stronach, 1981: 147], подобных чендырским.

Таким образом, основное количество интересующих нас каменных изваяний локализовано на ограниченной территории западных отрогов Туркмено-Хорасанских гор вдоль ирано-туркменской границы в пределах области бывшего проживания герейлинцев (рис. 2).

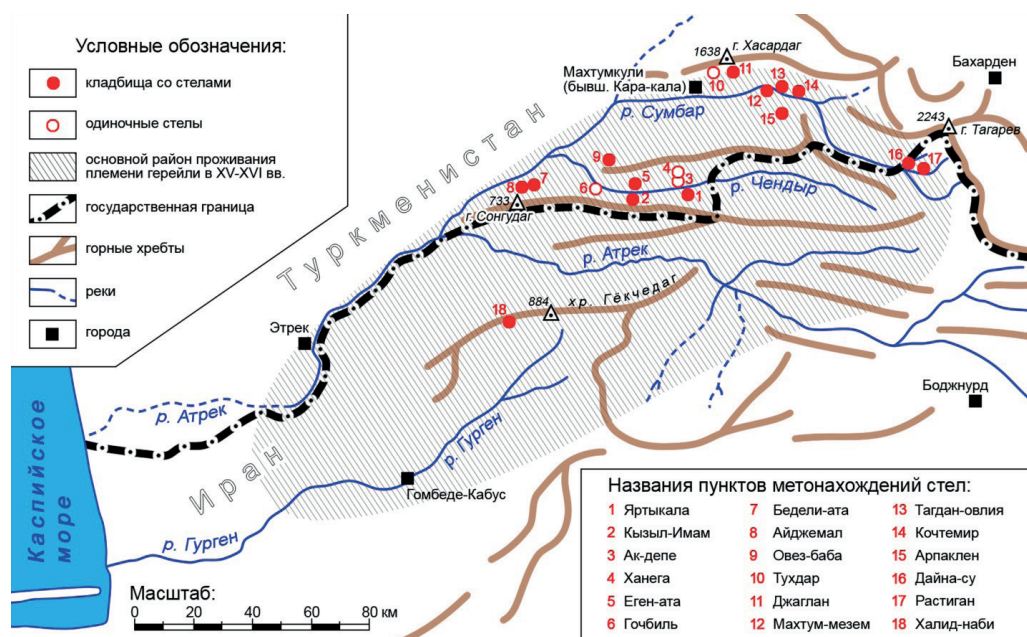

Рис. 2. Пункты местонахождений резных каменных памятников и район проживания племени герейли в Средневековье

Хорошо видно, что в пределах Туркменистана, где мы выполняем свои исследования, число пунктов, в которых выявлены резные каменные изваяния, достаточно велико. Суммарно в 15 пунктах на территории Туркменистана нами описано около 200 стел. Поэтому не следует исключать, что и на территории Ирана после детального обследования также могут быть обнаружены новые местонахождения подобных памятников.

Обследованием надмогильных стел Западного Копетдага мы занимаемся более пятнадцати лет, однако целенаправленная работа по полному выявлению и описанию этих памятников осуществляется нами только с 2014 г. За это время на некрополях Кызыл-Имам и Яртыкала в долине Чендыра нами зафиксировано более 120 стел. Каталог с полным описанием выявленных памятников готовится нами к изданию.

Еще в начале работы мы были в целом согласны с мнением о том, что эти камни отображают фаллический образ. Однако в процессе сбора и анализа материала мы изменили свой взгляд и пришли к пониманию, что эти камни представляют собой образ змеи. Такая точка зрения впервые была изложена нами в 2018 г. [Кузнецов, 2018б: 32].

Толчком к возникновению такого взгляда послужила одна из стел, показанная на рисунке 3. — 1. Этот камень, высотой более трёх метров, имеет круглое сечение в своей верхней части и «шапку» — навершие. В средней части стелы, на её боковых гранях, мы обнаружили ромбовидные барельефы, по одному с каждой из сторон (показано стрелкой).

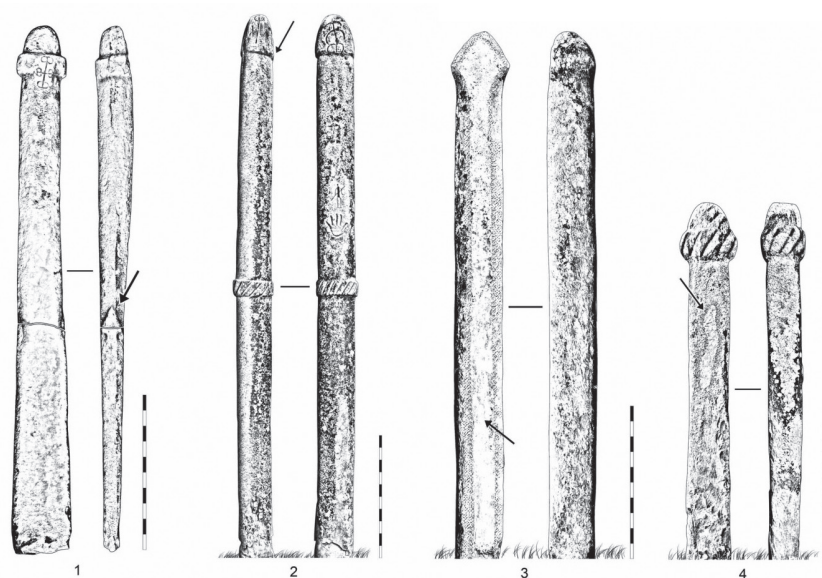

Рис. 3. Столбообразные резные каменные памятники долины реки Чендыр:
1, 2, 3 — кладбище Кызыл-Имам; 4 — урочище Ханега

Изображения ромбов — достаточно распространённый мотив на стелах некрополей долины рек Чендыра, Сумбара и ряда других. Иногда это бывают одиночные изображения, в иных случаях — цепочки ромбов. Однако они всегда изображаются с полной прорисовкой всех граней. В нашем же случае верхний уголок каждого из них был чётко отработан, тогда как нижний полностью отсутствовал, плавно переходя в туловище стелы. Барельефы сохранились в хорошем состоянии, у них не было ни сколов породы, ни осыпания, что указывало на сознательный приём мастеров — этим способом они обозначили форму, в которой легко можно увидеть очертания змеиной головы.

Так возникло предположение, что и на остальных памятниках могут быть скрыты подобные образы. Рассматривая стелы с точки зрения: «стела = змея», мы смогли выявить целый ряд «змеиных признаков».

Как уже говорилось выше, ученые выделяли два вида стел: столбообразные и с ф-образным верхним окончанием. Столбообразные стелы бывают от одного до шести метров в высоту и имеют три вида наверший: округлое (рис. 4. — 1–3), копьевидное (рис. 4. — 4,5), ф-образное (рис. 4. — 6,7). Ф-образные стелы не превышают метра в высоту и являются плоскими в разрезе (см. рис. 1. — 3,4).

Выяснилось, что в той или иной степени «змеиные признаки» присутствуют на всех видах стел. Первый тип таких признаков — это когда сама стела является змеей. При этом на ней можно выделить следующие характеристики: копьевидная форма навершия — голова змеи, тонкое основание стелы — хвост змеи, изгиб стелы — характерная особенность змеиного тела. Второй тип «змеиных признаков» — это когда некоторые элементы, «украшения» стел несут в себе дополнительную змеиную символику.

Рис. 4. Три вида наверший столбообразных памятников: 1–3 – округлое;
4, 5 – копьеобразное; 6, 7 – ф-образное

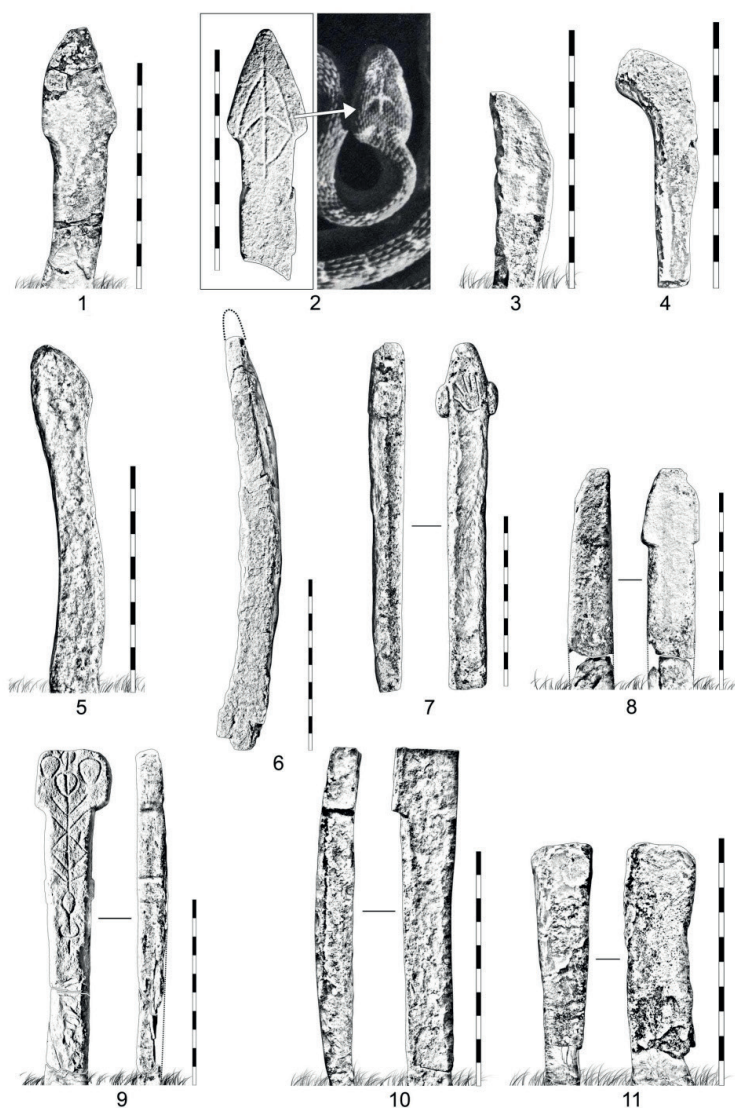

Рис. 5. Резные каменные памятники: 1, 5, 7–11 — кладбище Кызыл-имам (долина реки Чендыр); 2 — кладбище Яртыкала (долина реки Чендыр); 6 — кладбище Овез-баба (долина реки Чендыр); 3, 4 — кладбище Джаглан (долина реки Сумбар)

Копьевидная форма навершия — этот змеиный признак относится только к столбообразным стелам, имеющим навершие, буквально соответствующее форме головы змеи (рис. 4. — 4,5; рис. 5. — 1,2). На одном из таких наверший даже есть рисунок (показано стрелкой), который точно повторяет рисунок, имеющийся на голове змеи эфы (*Echis carinatus*) (рис. 5. — 2). На отождествление копья со змеей указывает и Ю. Н. Есин, анализируя рисунки Окунёвских стел [2009: 111].

Тонкое основание стелы — признак, характерный для всех форм стел (рис. 5. — 3, 10, 11). Работая всё с той же «ключевой» стелой, показанной на рисунке 3. — 1, мы обратили внимание на то, что её нижняя часть, уходящая в землю, тоньше верхней, обращённой к небу. Это может быть воспринято как случайное свойство выбранного камня, однако у этой стелы оно оказалось явным. Нас удивила странная особенность — огромная масса камня держалась на относительно тонком основании. Поэтому закономерно, что стела упала и развалилась на две части. Со временем она сильно погрузилась в землю, вследствие чего указанная особенность не была отмечена другими исследователями. Тонкое основание данной стелы можно объяснить, если представить, что тело стелы — это змея, выходящая в небо из земли, а основание — это её хвост. Следовательно, тонкое основание — это сознательный выбор мастеров. Перед ними не стояла задача, чтобы камень простоял века, была задача — воплотить образ змеи. Такой вывод перекликается и с обычаями, отмеченными для древнего Египта, когда перед центральными святилищами ставили стелы, так называемые *змеиные камни*, закруглённые сверху и сужающиеся книзу, притом на каждом из них была изображена змея [Церен, 1976: 165].

Изгиб стелы — это основной «змеиный признак», он может варьировать от едва заметного для глаза (см. рис. 3. — 2, 3) до чрезвычайно вычурного (рис. 5. — 3–6). К примеру, на некрополе Кызыл-имам 58% стел, в той или иной степени, имеют изгиб. Подтверждением тому, что кривизна стел является осознанным и необходимым свойством, которое закладывалось ещё при её изготовлении, служит заготовка, обнаруженная нами в каменоломне Бяшбармак (бассейн реки Чендыр) [Кузнецов, 2018а: 25]. В качестве исходного материала мастерами была выбрана совершенно ровная каменная плита длиной 4 метра. Однако при изготовлении стелы ей была придана хорошо заметная кривизна (рис. 6. — 1). Стела так и осталась лежать на месте её обработки, поскольку ещё в процессе изготовления, практически на завершающей стадии, она развалилась на две части.

Изогнутые стелы можно увидеть на многих других кладбищах, как на Западном Копетдаге, так и далеко за его пределами. Например, для древне-тюркских изваяний Тувы в ряде случаев специально подбирались стелы с нависающей вперед верхней частью [Грач, 1961: 55].

Когда мастерам-каменотёсам не удавалось подобрать камень, имеющий необходимый изгиб, они прибегали к различным приёмам, чтобы подчеркнуть это свойство. Примером специальной отработки камня для достижения этой задачи, служит небольшая стела, показанная на рисунке 6. — 2 — на ней вогнутость тела обозначена точечной выработкой в средней части стелы (показано стрелкой). Другой способ — это придать камню «сутулость». Например, стелы, показанные на рисунке 5. — 7, 8, не имеют изгиба, но у них инструментально подчеркнута «горбатая спинка». Дугообразная форма обратной стороны отмечена и для каменных изваяний Окунёвской культуры в Хакасии [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006: 15].

Как продолжение изгиба тела может рассматриваться и наклон наверхший «вперед». На рисунке 3. — 2 показана столбообразная стела высотой около четырёх метров,

имеющая слабый, но чётко выраженный изгиб. При этом нижний край её наверхия имеет явный наклон к вогнутой стороне (показано стрелкой). Эта стела служит примером сопряжённости наклона «шапки» и изгиба тела камня. На рисунке 4. — 1 показан прямой столбообразный камень высотой чуть более двух метров, который не имеет изгиба. Однако чёткий наклон верха «шапки» позволяет однозначно выявить его лицевую сторону, в данном случае — ориентированную на запад. На наклон остроконечного верха «вперёд» на примере некоторых изваяний Тувы указывает и А. Д. Грач [1955: 415]. Наклон наверхия стелы, таким образом, не случаен и объясняется не исходным свойством камня или отсутствием мастерства каменотёсов — он создан сознательно.

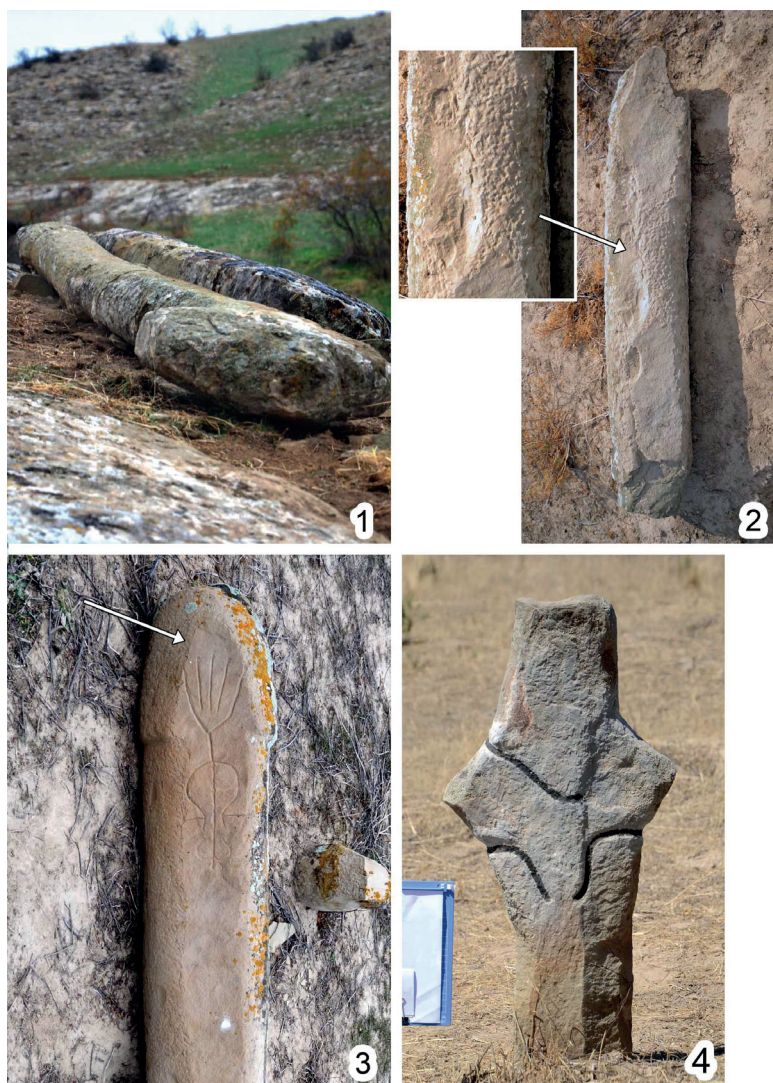

Рис. 6. Резные каменные памятники: 1 — урочище Бяшбармак;
2–4 — кладбище Кызыл-имам

Примером такого «неслучайного» наклона может служить хорошо известный Збручский идол [Русанова, Тимошук, 2007: 34]. Эта стела-идол представляет собою четырёхгранный каменный столб, высотой около трёх метров. Каждая грань его заполнена изображением, голова — покрыта круглой шапкой с полями. Лицевую сторону можно определить по коленопреклонённой фигуре на нижнем ярусе, изображенной на одной грани в фас и на двух в профиль. Над этой фигурой в верхнем ярусе изображено божество с рогом в правой руке. При этом поля круглой шапки навершия этого идола имеют явный наклон именно к главной, лицевой стороне стелы.

Мы полагаем, таким образом, что основной причиной, по которой мастера каменотёсы отдавали предпочтение кривым каменным заготовкам, служила именно необходимость заложить в камень образ змеи. Изгиб камня в этом случае являлся наиболее простым решением такой задачи, поскольку изгиб тела — это наиболее характерная особенность змеи.

Однако изогнутость стел имеет и иное важное значение — она практически всегда имеет системно-определённую ориентацию. Вот что по этому поводу сообщал Ф. А. Михайлов, описывая один из некрополей в верховьях р. Сумбар на иранской территории: «...многие камни имеют изогнутую форму, причем изгибы эти направлены в одну сторону...» [Михайлов, 1915: 16] (ориентацию стороны автор не уточнил). Хорошим примером может также служить и некрополь на святом месте Хаятлы в долине р. Сумбар. Это небольшое кладбище на вершине холма, где нами было описано около десятка надгробных камней, ничего особенного из себя не представляющих. В основном это невысокие столбики (до одного метра высотой). Однако все эти «столбики» имеют едва заметный изгиб с ориентацией на северо-запад.

Интересна в этом отношении и самая высокая стела, высотой более шести метров, которая находится на кладбище Кызыл-имам (см. рис. 4. — 2). Она представляет собою прямую колонну круглого сечения с четырьмя поясками. При внимательном рассмотрении удаётся выявить наличие слабого, едва заметного изгиба тела этой стелы в её верхней части. Изгиб этот направлен на запад, подобно ориентации большинства других стел на некрополях долины реки Чендыр (на некрополе Кызыл-имам, 60% стел имеют ориентацию на северо-западный сектор).

Изгиб тела стелы, таким образом, имеет особое значение — он указывает направление, куда обращена стела. Именно эту сторону и следует считать главной — лицевой. Такая сторона должна быть на любой стеле, даже у совершенно симметричных, прямых каменных столбов, без каких либо рисунков и надписей, при внимательном изучении можно выявить такую сторону. Выявление и анализ всего набора признаков, и прежде всего «змеиных», позволяет определить, какая из граней стелы служит её лицевой стороной и соответственно — выявить её ориентацию. При рассмотрении стелы с точки зрения «стела = змея» её лицевой стороной служит «живот змеи».

Следует пояснить, что многие стелы имеют инструментально выполненную шероховатую поверхность [Массон, 1949: 44], созданную путём нанесения многочисленных точечных ударов острым металлическим инструментом. На лицевой стороне, в большинстве случаев, часть гладкой, естественной поверхности камня оставалась нетронутой в виде участков различной формы. Наличие таких участков позволяет с уверен-

ностью сказать, что именно эта сторона и служит лицевой. Различные знаки и надписи чаще всего наносились именно на этих площадках.

На рисунке 4. — 3 изображена самая «красивая» стела кладбищ Чендырской долины: это — столбообразный прямой камень круглого сечения, с симметричным навершием. Со всех сторон он покрыт цепочками пиктографических знаков. Обычно наличие каких-либо рисунков и надписей чаще всего указывает на расположение лицевой стороны. Однако в этом случае они расположены на всех четырёх сторонах стелы, определить по ним лицевую сторону, не зная их смысла, не представляется возможным. Однако в нижней части стелы с восточной стороны имеется вытянутая площадка (показана стрелкой), на которой расположена короткая надпись арабской вязью — её наличие и определяет лицевую сторону.

Показательна в этом отношении и стела на некрополе Кызыл-имам (см. рис. 3. — 3). Этот памятник — один из самых внушительных по массе (чуть более 700 кг). Под действием собственной тяжести он вывалился из мягкого грунта и сейчас лежит на поверхности, что позволяет видеть его целиком, включая подземную часть. По всему телу памятника протягивается площадка в виде полосы. Именно на ней, в ее нижней части, и имеется надпись (место показано стрелкой).

Дополнительная змеиная символика — это когда на стеле, которая сама по себе может воплощать образ змеи, можно обнаружить элементы, несущие самостоятельную нагрузку. Например, это змеиные головки на боковых гранях рассмотренной выше стелы (см. рис. 3. — 1): они представляют собою самостоятельные змеиные признаки.

Нетронутые участки поверхности камня на лицевых сторонах стел могут скрывать в себе «змеиный» образ. Так, контур площадки на показанной выше стеле (см. рис. 3. — 3) чётко соответствует облику змеиной головы, при этом повторяя контуры копьеобразного навершия. Эта площадка вытянута по всему телу стелы, воспроизводя этим облик змеи от головы до хвоста, уходящего в землю. На округлом навершии другой упавшей стелы (см. рис. 6. — 3) контуром площадки также изображена треугольная змеиная головка (показано стрелкой). Нужно заметить, что этот пример показывает сочетание форм: округлого навершия и копьеобразной площадки. Это может свидетельствовать о том, что в любом округлом навершии мастера-каменотёсы подразумевали треугольную голову змеи. Змеиный образ мог быть заложен и в изгибах площадки. Примером служит стела из урочища Ханега (см. рис. 3. — 4). На её лицевой стороне расположены две площадки, в изгибах верхней легко угадывается змеиное тело (показано стрелкой). Надо полагать, что это был сознательный приём мастеров-каменотёсов.

Закруглённые боковые выступы ф-образных стел (см. рис. 1. — 3,4) в изначальном значении также вполне могли обозначать двух змей. Одна из стел небольшого размера имеет характерные, острые боковые выступы, она буквально оплетена изгибами змеиных «хвостов» — инструментально выбитых в камне желобков (см. рис. 6. — 4).

Таким образом, все многообразные формы стел долины реки Чендыр связываются полем одного образа — образа змеи. Его элементы выявляются на всех стелах без исключения. Это и изгиб змеиного тела, и змеиный хвост, и змеиная голова.

На наш взгляд, образ змеи является базовым образом, лежащим в основе самой идеи изготовления надмогильных камней. Это становится более понятным, если рассмотреть функциональность и определить, для чего создавались такие памятники: для того, чтобы живые помнили об усопшем, или для того, чтобы помочь самому усопшему? М. Е. Массон считал, что каменные надмогильники долины реки Чендыр изображали убитых врагов с функцией *услужения* покойнику в загробном мире [Массон, 1949: 55]. При этом он пришел к выводу, что они — могут быть сближены с так называемыми «каменными бабами», или балбалами [Массон, 1949: 51]. Г. А. Федоров-Давыдов, в свою очередь, считал, что функция балбалов — *временноеместилище* души умершего человека [Федоров-Давыдов, 1976: 92]. М. Элиаде придает камню около усыпальниц функцию *защиты* от «смерти», ибо как не портится камень, так душа покойника должна продолжать собственное существование [Элиаде, 1999: 208]. Поэтому вслед за этими авторами мы также считаем, что функция стелы на могиле прежде всего предназначалась для того, чтобы помочь самому умершему. При таком понимании образ змеи, которому соответствует стела, позволяет глубже понять её предназначение.

Известно, что змея отождествлялась с землёй [Антонова, 1984: 142; Евсюков, 1986: 54]. *Праматерь-земля* имела облик змеи [Граков, 1971: 85] и принимала в своё чрево умерших людей. Представления о душе также связывались с представлениями о змее [Губаев, 1990: 25]. Дорога в чрево Матери лежала через *пасть змея* [Пропп, 2000: 226]. Мать-земля-змея поглощала умерших, и это было *необходимым условием приобщения к иному царству* [Пропп, 2000: 227].

На пороге в иное царство находился змей, выполняющий *сторожевую роль* [Пропп, 2000: 226], что, очевидно, и легло в основу традиции украшать двери змеиной символикой. Змеями принято украшать фасады и ворота святилищ, ими оформлены перила храмовых лестниц. Хорошо известны уникальные мозаичные изображения двух змее-драконов на портале мечети Анау (Туркменистан) [Эсенов, 2001: 370]. Два дракона изображены на тимпанах Ворот Талисмана в Багдаде [Мамедов, 2004: 61]. Извивающиеся змеи помещены в центре медных, так называемых перегородчатых, печатей [Сарианиди, 1986: 66]. Предназначение печати, как известно, — охранять вход: либо в пространство помещения, либо в пространство сосуда, чему полностью соответствуют эти «змеиные образы».

Поэтому ромбики, «головки» змей, которые изображены на боковых гранях стелы (см. рис. 3. — 1), очевидно, призваны символизировать вход. Стела на рисунке 4. — 5 с копьеобразным навершием на своей лицевой стороне имеет изображение цепочки ромбов. Ф-образная стела на некрополе Джан Эзиз-баба, в окрестностях Ашхабада, также имеет на боковых гранях ромбический орнамент (см. рис. 4. — 6).

Фигура ромба, «змеиная голова», по сути, символизирует *женское начало* [Бибиков, 1953: 205; Прокина, 1995: 48]. Этот взгляд усиливает рисунок треугольника (показан стрелкой) на ф-образной стеле (см. рис. 1. — 4), он расположен между двумя боковыми округлыми выступами. Известно, что треугольник вершиной вниз (так же, как и ромб) обозначает женский символ [Антонова, 1984: 142], а сочетание этого треугольника с «змееподобными» выступами выводит нас на образ змееной богини [Граков, 1971: 85]. Ползущую змею на ноге женской терракотовой статуэтки отмечал и В. И. Сарианиди [1967: 88].

Известно, что: ромбический орнамент наполнен древнейшим и многослойным сакральным смыслом и лежит в основе культа плодородия — культа Великой Богини, который был распространён у многих народов Евразии [Миронова, 2019: 187]. В нашем случае понимание ромба как головы змеи, открывающей вход в потусторонний мир, возможно, обозначает ещё один сакральный смысл этого знака.

Заключение

Таким образом, древнейший смысл ритуала захоронения в землю, катакомбу, пещеру [Скленаж, 1987: 6] можно понимать как ритуальное оплодотворение Матери-земли. Не этим ли объясняется и поза тел умерших людей во многих древнейших захоронениях, лежащих на боку с подобранными коленями [Скленаж, 1987: 89], подобно позе плода в чреве матери, *позе эмбриона* [Элиаде, 1999: 229]. И, как земная мать не может бесконечно вынашивать плод свой, так и Мать-земля не могла бесконечно удерживать ушедшие души, и функция змеи была связана с этим. Змея была связана с представлениями о «пути» умершего. Она, подобно кишечнику-лабиринту [Маккалоу, 2008: 89], проходящему через тело человека, проходила через тело Богини-Матери, являясь проводником души.

Возможно, именно функцию проводника и были призваны выполнять наlepные змейки на четырёхугольных керамических жертвенниках (признак женского пола мог передаваться и в виде четырёхугольника [Антонова, 1984: 143]), обнаруженных И. Н. Хлопиным в могильнике Пархай-2 (долина Сумбара). Ползущие змейки были наlepлены на ножках жертвенников. По версии И. Н. Хлопина, они могли применяться при совершении магического ритуала, связанного с наступлением Нового года [Хлопин, 2002: 97], в праздновании которого, по сути, заложена идея воскресения и бессмертия. Головками вверх ползут эти змейки, словно вынося душу наверх. На боковых гранях стелы на рисунке 3. — 1 Кызыл-имамского некрополя змеи также расположены головками вверх, головками вверх стоят и сами надгробные камни в форме змей на кладбищах Чендырской долины. Функция змеи в этих стелах как раз и заключалась в том, чтобы принять душу умершего, провести её по подземному, миру Матери и передать её в верхний мир — мир Отца. Чтобы, пройдя внутриутробный путь, душа вновь могла родиться-воскреснуть, словно молодой месяц на вечернем западном небосклоне, куда и обращены большинство змееобразных стел кладбищ долины реки Чендыр. Как известно, «воскресший» лунный серп молодой луны после новолуния может быть снова виден только в вечерние часы на *западной* стороне неба (утром на востоке можно видеть только бледную старую луну — перед её «смертью») [Церен, 1976: 110].

Значимость идеи — заключить в камень образ змеи, для мастеров каменотёсов состояла в том, что эти надмогильники они создавали не для живых, они предназначали их для умерших людей. Змей-проводник, заключенный в камень, должен был провести душу усопшего в Царство вечное, помочь преодолеть то страшное чрево Великой Богини, которое ждёт каждого из умерших.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М. : Наука, 1984. 264 с.

- Аманов Х. Фертовые намогильники Западного Туркменистана // Культурные ценности : международный ежегодник. 1995. СПб. : Европейский дом, 1997. 144 с.
- Атаниязов С. Этнонимы в туркменском языке. Ашхабад : Ылым, 1994. 228 с.
- Бибииков С. Н. Поселение Лука-Врублевская // МИА. 1953. № 38. 205 с.
- Граков Б. Н. Скифы. М. : Изд-во Московского ун-та, 1971. 200 с.
- Грач А. Д. Древне-тюркские изваяния Тувы. М. : Изд-во восточной литературы, 1961. 95 с.
- Грач А. Д. Каменные изваяния Западной Тувы // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1955. Т. XVI. С. 401–431.
- Губаев А. Изображения животных на археологических находках и их связь с народными верованиями // Памятники Туркменистана. 1990. № 2 (50). С. 24–26.
- Джикиев А. Очерк этнической истории и формирования населения Южного Туркменистана. Ашхабад : Ылым, 1977. 168 с.
- Джикиев А. Туркмены Юго-Восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад : Ылым, 1961. 156 с.
- Евсюков В. В. Мифы о мироздании. Вселенная в религ.-миф. представлениях. М. : Политиздат, 1986. 112 с.
- Есин Ю. Н. Тайна богов древней степи. Красноярск : Поликор, 2009. 184 с.
- Кузнецов В. И. К вопросу об изготовлении мегалитических намогильников долины Чендыра // Великий шелковый путь: от древности до современности. Ашхабад, 2018. С. 24–27.
- Кузнецов И. В. Образ змеи в каменных намогильниках долины Чендыра // Великий шелковый путь: от древности до современности. Ашхабад, 2018. С. 28–41.
- Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы Окунёвской культуры. Абакан : Хакаское книжное издательство, 2006. 236 с.
- Маккалоу Д. У. Вечная тайна лабиринта. М. : Колибри, 2008. 352 с.
- Мамедов М. А. Генезис образа драконов в искусстве Центральной Азии // Культурные ценности : международный ежегодник. 2002–2003. СПб. : Европейский дом, 2004. 260 с.
- Массон М. Е. О происхождении некоторых каменных намогильников Южного Туркменистана // Материалы ЮТАКЭ. Вып. 1 Ашхабад : Туркменский филиал АН СССР, 1949. С. 42–56.
- Массон М. Е. Силуэты Сумбарского района // Туркменоведение. 1931. № 3–4. С. 53–56.
- Миронова Е. А. Ромбический орнамент, как признак древнейших евразийских миграций // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Благовещенск : Изд-во Благовещенского гос. пед. ун-та, 2019. С. 172–191.
- Михайлов Ф. А. Древние кладбища по Сумбару и Чандырю // Протоколы заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. Вып. I. Асхабад, 1915. С. 12–18.
- Овезов Д. М. Население долины Чандыра и среднего течения Сумбара. Ашхабад : Ылым, 1976. 232 с.
- Поляков С. П. Этническая история Северо-Западной Туркмении в средние века. М. : Изд-во Московского ун-та, 1973. 200 с.
- Пославский И. Т. Из поездки на р.Атрек и р.Гюрген // ПТКЛА. 1900. Т. V. С. 191–192.

Поцелуевский А. П. Наскальные изображения в долине реки Чандыр // Известия ТФАН СССР. 1948. № 1. С. 6–9.

Прокина Т. П. Народное искусство. Мордва: историко-культурные очерки. Саранск : Мордовское кн. изд-во, 1995. 65 с.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М. : Лабиринт, 2000. 336 с.

Русанова И. П., Тимошук Б. А. Языческие святилища древних славян. М. : Ладога-100, 2007. 229 с.

Сарианиди В. И. Змеи и драконы в глиптике Бактрии и Маргианы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур Древнего и Средневекового Востока. М. : Наука, 1986. 253 с.

Сарианиди В. И. Тайны исчезнувшего искусства каракумов. М. : Наука, 1967. 108 с.

Скленаж К. За пещерным человеком. М. : Знание, 1987. 272 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды: очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М. : Искусство, 1976. 228 с.

Хлопин И. Н. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2002. 336 с.

Церен Э. Лунный бог. М. : Наука, 1976. 381 с.

Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М. : Ладомир, 1999. 488 с.

Эппель Г. В. Древний памятник на границе с Персией (близ Сангудака) // ПТКЛА. 1905. Т. X. 22 с.

Эсенов А. История архитектуры Туркменистана. Ашхабад : Рух, 2001. 603 с.

Stronach D. Standing stones in the Atrek region: the Halat Nabi cemetery // Iran (British Institute of Persian Studies). 1981. P. 147–150. (на англ. яз.).

REFERENCES

Antonova E. V. *Ocherki kul'tury drevnih zemledel'tsev Perednei i Tsentral'noi Azii* [Essays on the culture of ancient farmers in Front and Central Asia]. Moscow: Nauka, 1984, 264 s. (in Russian).

Amanov H. *Fertovye namogil'niki Zapadnogo Turkmenistana* [The “fertovye” tombstones of Western Turkmenistan]. *Kul'turnye tsennosti. Mezhdunarodnyi ezhegodnik* [Cultural values. International Yearbook]. 1995. Saint Petersburg: European house, 1997, 144 s. (in Russian).

Ataniyazov S. *Etnonimy v turkmenskom yazyke* [Ethnonyms in the Turkmen language]. Ashgabat: Ylym, 1994, 228 s. (in Russian).

Bibikov S. N. *Poselenie Luka-Vrublevetskaya* [Settlement Luka-Vrublevetskaya]. MIA. 1953. № 38. 205 s. (in Russian).

Grakov B. N. *Skify* [Skify]. Moscow: Moscow University Press, 1971, 200 s. (in Russian)

Grach A. D. *Drevne-tyurkskie izvayaniya Tuvy* [Ancient Turkic statues of Tuva]. Moscow: publishing house of Oriental literature, 1961, 95 s. (in Russian)

Grach A. D. *Kamennye izvayaniya Zapadnoi Tuvy* [Stone statues of Western Tuva]. *Sbornik muzeya Antropologii i etnografii. T. XVI* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. V. XVI]. Moscow, 1955, S. 401–431 (in Russian)

Gubaev A. Izobrazheniya zhivotnykh na arheologicheskikh nahodkakh I ih svyaz' s narodnymi verovaniyami [Images of animals on archaeological finds and their connection with folk beliefs]. *Pamyatniki Turkmenistana* [Monuments of Turkmenistan]. 1990, № 2 (50), 24–26 s. (in Russian)

Dzhikiev A. *Ocherk etnicheskoi istorii i formirovaniya naseleniya Yuzhnogo Turkmenistana* [An essay on the ethnic history and formation of the population of southern Turkmenistan]. Ashgabat: Ylym, 1977, 168 s. (in Russian).

Dzhikiev A. *Turkmeny Yugo-Vostochnogo poberezhya Kaspiyskogo moray* [Turkmen South-East Caspian sea coast]. Ashgabat: Ylym, 1961, 156 s. (in Russian).

Evsyukov V. V. *Mify o mirozdanii. Vseennaya v relig.-mif. Predstavleniyah* [Myths about the universe. The universe in relig.-myth. representations]. Moscow: Politizdat, 1986, 112 s. (in Russian).

Esin Yu. N. *Taina bogov drevnei stepi* [The Secret of the gods of the ancient steppe]. Krasnoyarsk: Polikor, 2009, 184 s. (in Russian).

Kuznetsov V. I. *K voprosu ob izgotovlenii megaliticheskikh namogilnikov doliny Chendyra* [On the issue of manufacturing megalithic tombs of the Chandyr valley]. *Velikii shelkovyi put': ot drevnosti do sovremennosti* [The Great silk road: from antiquity to modernity]. Ashgabat: Embassy of the Russian Federation in Turkmenistan, 2018. S. 24–27 (in Russian).

Kuznetsov I. V. *Obraz zmei v kamennykh namogilnikakh doliny Chendyra* [The Image of a snake in the stone tombs of the Chandyr valley]. *Velikii shelkovyi put': ot drevnosti do sovremennosti* [The Great silk road: from antiquity to modernity]. Ashgabat: Embassy of the Russian Federation in Turkmenistan, 2018. S. 28–41 (in Russian).

Leontiev N. V., Kapelko V. F., Esin Yu. N. *Izvayaniya I stely Okunovskoi kul'tury* [Sculptures and steles of Okunevskaya culture]. Abakan: Khakass book publishing house, 2006. S. 236 (in Russian).

McCullough. D. W. The unending mystery. A journey through labyrinths and mazes. 2004. (Russ. ed.: McCullough. D. W. *Vechnaya taina labirinta*. Moscow: Kolibri, 2008, 352 s.) (in Russian).

Mamedov M. A. *Genezis obraza drakonov v iskusstve Tsentral'noi Azii* [Genesis of the image of dragons in the art of Central Asia]. *Kul'turnye tsennosti. Mezhdunarodnyi ezhegodnik* [Cultural values. International Yearbook]. 2002–2003. Saint Petersburg: European house, 2004, 260 s. (in Russian).

Masson M. E. *O proishozhdenii nekotorykh kamennykh namogil'nikov Yuzhnogo Turkmenistana* [On the origin of some stone tombs of Southern Turkmenistan]. *YuTAKE materials*. Issue 1, Ashgabat: Printing house of the Turkmen Branch of the USSR Academy of Sciences, 1949, 42–56 (in Russian).

Masson M. E. *Silueti Sumbarskogo rayona* [Silhouettes of the Sumbar district]. *Turkmenovedeniye* [Turkmen Studies]. 1931. № 3–4. S. 53–56 (in Russian).

Mironova E. A. *Rombicheskii ornament, kak priznak drevneishih evraziiskih migratsii* [Rhombic ornament as a sign of the oldest Eurasian migrations]. *Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva* [Russia and China: history and prospects of cooperation]. Blagoveshchensk: publishing house of the Blagoveshchensk State pedagogical University, 2019. S. 172–191 (in Russian).

Mikhailov F. A. *Drevnie kladbishcha po Sumbaru i Chandyr'yu* [Ancient cemeteries in Sumbar and Chandir]. *Protokoly zasedanii i soobshchenii chlenov Zakaspiiskogo krugha lyubitelei arheologii i istorii Vostoka*. [Minutes of meetings and reports of members of the Transcaspiian circle of lovers of archeology and history of the East]. Issue I]. Ashkhabad, 1915. S. 12–18 (in Russian).

Ovezov D. M. *Naselenie doliny Chandyra I srednego techeniya Sumbara* [The population of the Chandyr valley and the middle reaches of Sumbar]. Ashgabat: Ylym, 1976. 232 s. (in Russian).

Polyakov S. P. *Etnicheskaya istoriya Severo-Zapadnoi Turkmenii v srednie veka* [Ethnic history of North-Western Turkmenistan in the middle ages]. Moscow: Moscow University Press, 1973, 200 s. (in Russian).

Poslawski I. T. *Iz poezdki na r. Atrek I r. Gyurgen* [From a trip on the river Atrek and R. Gurgen]. PTCLA. 1900. T. V. S. 191–192 (in Russian).

Potseluevskii A. P. *Naskal'nye izobrazheniya v doline reki Chandyr* [Rock paintings in the valley of the river Chandyr]. Potseluevskii A. P. Selected works. Ashgabat: Ylym, 1975. 340 s. (in Russian).

Prokina T. P. *Narodnoe iskusstvo. Mordva: istoriko-kulturnye ocherki* [Folk art. Mordva: historical and cultural essays]. Saransk: Mordovian book publishing house, 1995. 65 s. (in Russian).

Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical roots of the magic fairy tale]. Moscow: Labyrinth, 2000, 336 s. (in Russian).

Rusanova I. P., Timoshchuk B. A. *Yazycheskie svyatilishcha drevnih slavyan* [Pagan shrines of ancient Slavs]. Moscow: Ladoga-100, 2007. 229 s. (in Russian).

Sarianidi V. I. *Zmei i drakony v gliptike Baktrii i Margiany* [Snakes and dragons in the glyptic Bactria and Margiana]. *Vostochnyi Turkestan i Srednyaya Aziya v sisteme kultur Drevnego i Srednevekovogo Vostoka* [East Turkestan and Central Asia in the system of cultures in the system of cultures of the Ancient and Medieval East]. Moscow: Nauka, 1986, 253 s. (in Russian).

Sarianidi V. I. *Tainy ischeznuvshego iskusstva karakumov* [Secrets of the disappeared art of Karakum]. Moscow: Nauka, 1967, 108 s. (in Russian).

Sklenář K. *Za jeskynním člověkem*. Praha: Československý spisovatel, 1984, 272 p. (Russ. ed.: Sklenarj K. *Za peshchernym chelovekom*. Moscow: Znanie, 1987, 272 p.) (in Russian).

Fedorov-Davydov G. A. *Iskusstvo kochevnikov I Zolotoi Ord' ocherki kultury i iskusstva narodov Evraziiskih stepi i zolotoordynskih gorodov* [Art of nomads and the Golden Horde: essays on culture and art of the peoples of the Eurasian steppes and Golden Horde cities]. Moscow: Iskusstvo, 1976, 228 s. (in Russian).

Khlopin I. N. *Epoha bronzy Yugo-Zapadnogo Turkmenistana* [The bronze Age of South-Western Turkmenistan]. Saint Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 2002, 336 s. (in Russian).

Zehren E. *Der gehenkte gott*. Berlin: Zur Archäologie der Kultur, 1959. (Russ. ed.: Tseren E. *Lunnyi bog*. Moscow: Nauka, 1976, 381 p.).

Eliade M. *Patterns in comparative religion*, 1958. (Russ. ed.: Eliade M. *Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya*. Moscow: Lodomir, 1999, 488 p.) (in Russian).

Eppel G. V. *Drevniy pamyatnik na granite s Persiei (bliz Sangudaga)* [Ancient monument on the border with Persia (near Sangudak)]. PTKLA. 1905. T. X. 22 s. (in Russian).

Esenov A. *Istoriya arhitektury Turkmenistana* [History of architecture of Turkmenistan]. Ashgabat: Rukh, 2001, 603 s. (in Russian).

Stronach D. *Standing stones in the Atrek region: the Halat Nabi cemotry*. British Institute of Persian Studies. 1981. S. 147–150 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 19.06.2020

Принята к публикации 12.01.2021

Цитирование статьи:

Кузнецов И. В. О символе змеи на каменных изваяниях Юго-Западного Туркменистана // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26. № 1. С. 63–81.

Citation:

Kuznetsov I. V. On the question of understanding the symbol of the serpent in archaic ideas about the afterlife. *Nations and religions of Eurasia*. 2021. Vol. 26. № 1. P. 63–81.
